

Боги завидуют счастливым

Людмила ИВАНОВА:
«Я играю своих соседок»

Народная артистка России Людмила Иванова родилась 22 июня. Сыграла 43 роли в театре, 53 роли в кино. На решение стать актрисой повлияла мама, страстная театралка. Милочка не любила здороваться, но любила петь, плясать и рассказывать стихи гостям. В пять лет имела личный пропуск в Дом ученых, где занималась ритмикой и хореографией. Окончила школу-студию МХАТа. Работает в театре «Современник». Пишет стихи и песни. Руководит детским музыкальным театром «Экспромт». Нынешний год, как всегда, насыщен. Нет времени даже поболеть. «Пью молоко с медом — и на репетиции! В молодости на первом месте любовь, в зрелости — работа».

Наталья СКЛЯРОВА

— Детский театр — пожалуй, главное, чем я занимаюсь сейчас. Меня беспокоит, что дети мало читают. Часто, когда приходят родители с детьми, оказывается, что родители знают басни Крылова, а дети нет, хотя спектакли-то детские!

— А как дела во «взрослом» театре?

— Сейчас ставим спектакль Николая Коляды «Уйди-уйди». Очень необычный и грустный, о жизни глубинки. Но для меня он все равно оптимистичный, потому что главная героиня — сильный и надежный человек. Она тащит на себе целый воз: бабушку, маму, дочку. А сама я играю столетнюю бабулю, юбилей которой как раз справляют. Совсем маленькая роль, почти массовочная. Но интересная.

— Где-то я читала, что ваша любимая роль — Шура из «Служебного романа».

— Шура — это моя визитная карточка. Я бы сказала, что зрители ее больше всего любят. А сама я люблю такие роли, в которых меня мало кто помнит. Лесничиху в фильме «Остров Серафимы». Много раз я играла свах. Вообще, считаю, что люди должны жениться, выходить замуж. В жизни мне тоже приходилось быть свахой, и несколько пар оказались очень прочными!

На днях посмотрела фильм Меньшова, в котором снялась в

этом году. Настоящее кино! Масса событий, 1983 год, замечательно сыгранная любовь... Когда снимали, он назывался «Последнее танго в Москве», а потом переименовали в «Зависть богов». Там говорится, что боги завидуют счастливым людям и отнимают у них счастье. И потому когда ты счастлив, не нужно признаваться в этом... Меня часто спрашивают, счастлива ли я, и я всегда говорю «да». А тут вдруг подумала: может, действительно не надо признаваться?

Снимался в этом фильме и Депардьё. У него была роль старого французского летчика. Парадный обед, я выношу на блюде баранью ногу. Он меня целует, трижды, по-русски... Его хорошо принимали, а он был таким любезным, репетировал столько, сколько мы хотели, говорил, что у меня хорошие глаза, а я ему говорила по-русски: «Ты мне нравишься, Жерар!»

— Он знает русский?
— В том-то и дело, что нет! Мы говорили по-русски, он по-французски, и вполне друг друга понимали. Вначале, когда я пыталась заговорить по-французски, он меня поправил: оказывается, его фамилию надо произносить не «Депардьё», а «Депардье». И тогда я махнула рукой и стала говорить только на русском. Меня потом собственные дети стыдили: «Ты же знаешь французский!»

— О чем ваша новая книга?

— О моих партнерах и партнерах. Многих из них знаю мало, но мне они дороги; некоторых уже нет. О семье. О деревне. Летом я живу там. У меня там много замечательных соседок, которых я играю.

— Как это?

— То, как они говорят, ходят, какие словечки употребляют, — все это становится для меня важным при создании роли. Давным-давно в том доме, где я родилась, у меня была соседка Марья Александровна. Я даже написала о ней стихи:

Мне сказала

*Марья Александровна:
«Ну какая ж ты артистка?
Ты полы в квартире моешь,
а красивой шубы нет!
Вот у нас была артистка —
у нее все пальцы в кольцах,
А носила только бархат,
в крайнем случае вельвет!»*

Марью Александровну я сыграла дважды. Она была полная, как я сейчас. Настоящая хозяйка, широкая, хлебосольная, веселая. Один раз, когда в гастролном все толкались, какой-то мужчина извинился, она ответила: «Ничего, пожалуйста, еще!» Первый раз я играла ее в роли Квашни, когда играла Квашню («На дне». — Н.С.): старалась ходить и говорить, как Марья Александровна, даже попросила театр купить ее кофты... А потом у нее умер муж, и она сделала такой несчастной! У них не было детей, и она всегда жила только заботой о муже. Она ходила на кладбище в его пальто, в ботах «прощай, молодость»... И потом в «Смирненном кладбище» я играла в таком же сером пальто, приобретенном специально в комиссионке... Мне даже разрешили вставить в текст ее монолог.

«Что греха таить — я люблю играть таких ярких, колоритных женщин, кассирш магазинов, продавщиц, профсоюзных и партийных работников, врачей и служащих ЖЭКа, забывших о том, что такое женственность, замученных очередями и бытом. Но изо всех сил стараюсь... чтобы и в них проклюнулось что-то человеческое... И обязательно ищу, где любовь,

страсть к чему-то, пусть нелепая, смешная, изуродованная жизнью». (Людмила Иванова. Из книги «Я люблю вас...»)

— Как вы отдыхаете?

— В основном в деревне, в Калужской области. В последнее время работала без отдыха и все же успела съездить посмотреть, как цветут груши! Если не успеваешь видеть природу, то это уже не жизнь. Однажды приезжаем и чувствуем потрясающий запах нарциссов. Не понимаем: вроде уже давно отцвели. Оказалось, это цветут оливки! Младший сын растениями занимается и постоянно нас ругает, что мы все неправильно выращиваем. Действительно, все растет практически само по себе. В огороде сделать ничего не успела, но кабачки посадила.

— Огород вас успокаивает?

— Я родилась в Москве, и мама была москвичкой, но предки были крестьянами, и, видимо, что-то меня тянет к земле... Наверное, успокаивает, потому что важен сам процесс, а не то, что вырастет. Муж любит строить. Правда, дом до конца ничего не достроил. Просто он так отдыхает.

— Людмила Ивановна, я знаю, что театр вы полюбили с детства.

— Я была ребенком, ощутившим войну собственной кожей: мне исполнилось восемь лет — и как раз в этот день началась война. Уехали в эвакуацию, а после войны вернулись, и мама стала водить меня в театры, она была большой театралкой. Моя школа стояла как раз рядом с Театром Советской Армии. По-

пов поступал очень мудро, когда ставил красивые, костюмные спектакли. Послевоенная Москва изголодалась по красоте. Я бесконечно ходила на «Учителя танцев», «Копилку», «Ночь ошибок!» Особенно любила, конечно, «Давным-давно». Там играли настоящие великие русские актеры, режиссеры. Кого-то они учили жизни, кого-то просто радости. Они помогли нам выжить.

— Вы начинали вместе с Олегом Табаковым. Как по-вашему, он «вытащит» МХАТ?

— Я очень ценю Табакова. Он был первым директором «Современника» на общественных началах. Кажется, ему был всего 21 год, а мы в складчину купили ему портфель — чувствовали, что он великий деятель. Я до сих пор так думаю.

